

ЧТО ПРИВЛЕКЛО РЕЖИССЕРА?

РЕПЕРТУАР — лицо театра... Сколько раз повторялись эти слова на всевозможных собраниях, совещаниях, заседаниях, сколько раз вспоминали об этом руководители театральных коллективов, режиссеры!.. Репертуар — лицо театра — это, конечно, справедливо. Он — свидетельство его устремлений, творческих поисков, желания удовлетворить духовные запросы зрителя, умения находить дорогу к его сердцу, свидетельство степени его идейно-творческой зрелости.

Недавно мы попытались проанализировать афишу различных театров. Де чего же неутешительная картина! По сценам шествуют образы, созданные иностранцами драматургами, не известно, по какой причине привлеченные к себе внимание главных режиссеров довольно длинного ряда театров.

«Юпитер смеется» в Художественном театре. «Третья голова» эротически кивает со сцены Московского драматического театра, добродетельная грешница «Юстина» умилляет sentimentalных зрителей Театра Советской Армии, роскошную Патрицию терзает и изводит бессонница, хотя в Театре имени Пушкина ей желают «доброй ночи», «Двое на качелях» по-прежнему рассказываются, демонстрируя изгибы и причуды «западной любви» в «Современнике», но, кажется, «Три товарища», расписав ром и вдоволь надовое зрителям, наконец покинули сцену Театра имени Ермоловой.

Нет, это еще не все. «Права пришла в дом» Театра драмы и комедии, чтобы тут же вскоре обнаружить свой истинный лик — неприхотливой помеси детектива и семейной мелодрамы. А умалишенных можно увидеть сразу на двух сценах — театров имени Ленинского комсомола и Советской Армии. Речь идет о пьесах «Лучше останься мертвым» и «Физики».

Театр, призванный воспитывать молодых наших сов-

ременников на высоких образцах боевого, революционного искусства, предложил своим зрителям приобщиться к горестной судьбе человека, находящего приют в доме умалишенных, чтобы не бороться с гнусностями и подлостями мира капитализма. Лучше остаться мертвым — такова мораль, которую про-

обличения истинной природы империализма. В спектакле оказались приглушенными даже те сатирические мотивы, которые могли сообщить пьесе комедийное звучание и гневно высмеять образ жизни буржуазии. Тем ластивней слышны в нем ноты растерянности и страха перед неизбежностью катастрофы,

чуждых морально-бытовым проблемам, которым посвящены, например, пьесы П. Когуэта «Такая любовь», «Дом, где мы родились» или ранее ставившееся произведение И. Фехера «Мы тоже не ангелы».

В репертуарных портфелях некоторых театров и сейчас еще можно найти произведения западной драматургии, сомнительная ценность которых не помешала включить их в план нынешнего года. Так, например, Театр имени Ленинского комсомола предполагал поставить пьесу Луисона «Вестсайдская история», Драматический театр — «Визит старой дамы» Ф. Дюрренматта и др.

Чем же влечет к себе иных режиссеров драматургия капиталистического Запада? Передовыми идеями, злободневностью, современностью, новаторством, оригинальностью? Но при ближайшем и внимательном рассмотрении произведения таких авторов, как названные нами Гибсон, Луисон, Дюрренматт, — это пьесы, дающие повод к пустому формотворчеству, к подражанию приемам, ставшим уже штампом, к модернистским изыскам и ни в какой мере не могущих служить серьезным оружием в борьбе с идеологией капитализма. Эта репертуарная тенденция таит в себе и опасность представить зрителю в искаженном виде жизнь буржуазных стран, где ни на один день не утихает классовая борьба, где, как, например, в Италии зреют и одерживают победы революционные силы, оказывающие все более решающее влияние на весь ход мирового развития.

Стоит задуматься над тем, что постановка произведений, лишенных четкой идейной направленности, — это не просто непроизводительная трата творческой энергии, это уклонение от выполнения тех высоких гражданственных задач, которые возложены на театр нашей партией.

А. СОЛДАТОВ.

Размышления у театральной афиши

поведует это глубоко пессимистическое произведение. Немалую роль в выборе его для постановки сыграло, по видимому, то обстоятельство, что в нем можно занять всего трех актеров. Но ведь двое из них обязаны перевоплощаться в пять различных образов, а это требует такого высокого мастерства, которого, увы, не смогли проявить молодые исполнители. В результате печальная и тягостная история неудачника обрела вид легкомысленного и порядком скучного маскарада.

Другой умалишенный Мебиус — герой пьесы «Физики» швейцарского драматурга Ф. Дюрренматта — гениальный ученый симулирует безумие, чтобы его открытые власть имущие не использовали для развертывания термоядерной войны. Зрителей вводят в атмосферу сумасшедшего дома, хозяина которого (тоже умалишенная) становится обладательницей открытия Мебиуса. Драматург таким образом утверждает, что противоречия между наукой и требованиями нравственности, интересами человечества неразрешимы.

Неужели это и пытается доказать советский режиссер Б. Эрин? Вряд ли он стоит на этой позиции. Однако, увлекшись показом патологических сцен с натуралистическими подробностями, трактуя пьесу как психологическую драму, он не сумел использовать ее для настоящего, боевого

на которую обречено человечество, неверие в силы прогресса, в силы народов, способных бороться с империализмом, пресечь попытки разжечь войну.

К чему приводит непродуманная режиссерская трактовка пьесы, видно, в частности, на примере «Третьей головы» в Московском драматическом театре. А. Гончарова увлекла возможность продемонстрировать пикантные сцены из быта толстосумов. Преследуемое «буржуазия» разлагается «всячески, смакуется, и в результате социальное содержание пьесы остается нераскрытым.

Кстати, стоит заметить, что «Третья голова» была показана свыше ста раз. Вот уж поистине грустный «юбилей» — свидетельство негодной практики, уводящей театр от благородной задачи коммунистического воспитания народа, особенно молодой зрительской аудитории.

В странах народной демократии происходят животворный процесс строительства социализма, ломка старого, отсталого, побеждают, расцветают новые отношения между людьми. Живая, реальная действительность находит отражение и в литературе, и в драматургии стран социалистического лагеря. А московские театры почему-то ставят пьесы, которые рассказывают нам не об этом, не о героических и отважных строителях нового социалистического общества, а о довольно ограни-